

А когда эти слова одно за другим слетали с губ Ян Аня, в них проявилось удивительное и тонкое состояние, и Линь Кунь словно с первого же раза понял весь смысл священного текста.

Он тут же погрузился в сокровенную глубину учения, с увлечением и полным сосредоточением слушая каждое слово, не в силах оторваться.

Ян Ань трижды повторил канон, и несколько тысяч слов глубоко запечатлелись в разуме Линь Куня. Для самого Линь Куня это казалось чем-то невероятным. Изначально его природные способности были лишь средством между средним и высшим уровнями, и хотя последние два года Ян Ань поддерживал его тело лекарствами, он едва дотянул до полувывысшего предела. Его озарение не было выдающимся, но он запомнил весь текст целиком, стоило Ян Аню лишь трижды прочесть его вслух. И дело было вовсе не в резком улучшении памяти — просто в чтении Ян Аня таилось некое чудесное очарование, позволявшее услышанному мгновенно проникнуть в самое сердце.

Затем Ян Ань подробно разъяснил смысл канона и велел Линь Куню постигать его самостоятельно.

Сам же он остался рядом, чтобы охранять его медитацию.

На этот раз Ян Ань наконец-то смог спокойно заняться белой фосфорной змеей.

Даже сейчас у него на душе оставался осадок от недавнего страха.

В глубине души он дал себе клятву никогда больше не смотреть свысока ни на одно создание в этом мире. Потерпеть крушение в сточной канаве и потерять лицо — пустяки, но лишиться жизни — значит потерять абсолютно всё. Эта белая змея длиной всего в пару чи обладала поистине колоссальной силой и смогла с одного удара прорвать плоть и кровь У Лэ, заставив его непрерывно кровоточить.

На забинтованной левой руке У Лэ все еще отчетливо виднелись две окровавленные раны.

Ян Ань взял в руку бездыханное тело белой фосфорной змеи. Прежде ее шкура была тверже любых ножей и мечей, но теперь стала невероятно мягкой — на ощупь она казалась гладкой и прохладной, словно шелк.

Ян Ань с усилием сжал змею, и с легким хрустом внутренности рептилии превратились в кашу, однако внешняя чешуя осталась совершенно целой и невредимой, без малейших повреждений.

Его глаза заблестели: это же настоящее сокровище!

К тому же яд белой фосфорной змеи — это яд из ядов, и лекарство, приготовленное из ее змеино-желчного пузыря, несомненно, будет обладать потрясающим эффектом. Ян Ань невольно улыбнулся: в этом змее буквально всё представляло ценность.

Прошло около двух палочек благовоний, пока У Лэ наконец не завершил важное дело и яд полностью не вышел из его тела.

Ян Ань стоял рядом и с улыбкой произнес:

— Поздравляю со старшего брата, избежал гибели и обратил несчастье в удачу.

Видя, что У Лэ не только полностью очистился от змеиного яда, но и преодолел смертельную опасность, обратив беду в благословение, а его внутренняя энергия благодаря этому вышла на новый уровень,

Ян Ань почувствовал, как в груди разливается ликование.

Передать им с У Лэ Канон Перемены Мышц и Очищения Костного Мозга он задумал уже давно и всё тщательно обдумал. Будучи бесплотным духом или наблюдая за ними последние два года с помощью Божественного сознания, он знал, что оба они заслуживают полного доверия. К тому же за два года совместной жизни он искренне и по-настоящему полюбил их как самых близких людей. И теперь, передавая им священное писание, он считал это поистине дарованной небесами возможностью.

У Лэ переполняли самые разные чувства — только он один отчетливо понимал, сколь многого он сегодня добился. Когда он был отравлен, то искренне верил, что неминуемо погибнет, однако техника внутреннего дыхания младшего брата не только спасла ему жизнь, но и заставила внутреннюю энергию под воздействием змеиного яда совершить колоссальный рывок вперед, словно феникс, возродившийся из пепла.

У Лэ чувствовал себя невероятно сильным — ему казалось, что одним ударом он способен разнести вдребезги валун размером с человека. А рана на левом плече, куда яд проделал глубокую дыру, уже почти затянулась благодаря циркуляции внутренней энергии. Божественное искусство и впрямь оказалось несравненным.

Искренне переполненный благодарностью, он бросился к Ян Аню и крепко обнял его:

— Младший брат...

На мгновение он онемел, ком застрял у него в горле, но в мыслях он уже поклялся себе, что теперь даже ценой собственной жизни будет защищать младшего брата.

Ян Ань понял, что у того на сердце, и сказал:

— Старший брат, давай это останется нашей тайной, хорошо?

У Лэ громко рассмеялся и ответил:

— Разумеется, как младший брат скажет.

Ян Ань почувствовал глубокое облегчение. Он уже понял, что в возможном выборе между Юэ Буцюнем и им самим У Лэ безоговорочно встанет на его сторону.

Внутренняя сила У Лэ значительно возросла. Хотя нынешняя вылазка выдалась чрезвычайно опасной, к счастью, в итоге все трое остались целы и невредимы.

Немного подождав, пока Линь Кунь тоже придет в себя, они втроем отправились в обратный путь в горы.

Им троим сопутствовала удача: по дороге назад они совершенно неожиданно встретили дикого кабана. У Лэ, чье боевое мастерство заметно выросло, едва сдерживался и отчаянно жаждал опробовать свои силы в деле. Заметив кабана, он загорелся и принялся вовсю требовать, чтобы

Линь Кунь и Ян Ань не вмешивались — он хотел схватить зверя собственными руками.

И без того искушенный в боевых искусствах на уровне мастера второго круга, теперь благодаря счастливой случайности он обладал внутренней энергией, не уступающей мастерам первого круга. Справиться с подобным зверем для него было проще простого. Недолго думая, он взмыл в воздух и опустился прямо на голову кабану, а затем лишь легко ударил лапой — и череп зверя разлетелся вдребезги, залив всё вокруг кровью. Сам он даже не почувствовал, что приложил хоть какие-то усилия, чем вызвал безудержный смех у Ян Аня и Линь Куня.

У Лэ на мгновение ужасно смутился.

Линь Кунь добровольно вызвался донести эту тушу весом почти в четыреста цзиней до дома. Сейчас его успехи во внутренней работе были весьма неплохи, так что дотащить кабана для него труда не составляло.

Из-за этой заминки троица и впрямь едва не опоздала к возвращению.

Дежуривший у ворот старший ученик, увидев, что трое младших возвращаются с огромным диким кабаном, оживился и воскликнул:

— Добтная у вас выдалась добыча, младшие братья! Где же это вы откопали такого здоровенного кабана? И впрямь могучий зверь.

У Лэ отдал приветствие и громко рассмеялся:

— Поймали по дороге сюда. Тварь оказалась на редкость шустрой, пришлось сделать с десятков кругов, прежде чем удалось ее скрутить, чуть было не опоздали к возвращению в горы. Старший брат, раз уж ужин еще не начинался, будь добр, потрудись сходить и передать остальным старшим братьям, чтобы они немного подождали с едой. Сегодня нас ждет пир из кабанятины!

Тот старший ученик тоже воодушевился и с улыбкой ответил:

— Конечно, с радостью!

Весть о том, что Ян Ань и его спутники поймали огромного дикого кабана, мгновенно разнеслась по всей Секте Хуашань.

Случай и впрямь редкий. Хотя правила Секты Хуашань отличались строгой дисциплиной, Юэ Буцюнь умел соблюдать баланс между напряжением и расслаблением: обычно, если ученики добросовестно выполняли свои повседневные задания, он не держал их в узде и позволял отдыхать по своему усмотрению.

Поэтому ученики частенько промышляли охотой во время прогулок.

Мечи Хуашань гремели на весь мир, так что поймать какую-нибудь дичь для них не составляло труда. Однако крупная добыча вроде серн или диких кабанов попадалась редко, и потому всякий раз, когда кому-то удавалось добыть подобного зверя, это становилось поводом для всеобщего праздника, в дни которого даже Юэ Буцюнь позволял себе расслабиться.

Огромный кабан весил почти четыреста цзиней, а во всей секте Хуашань насчитывалось менее

сотни учеников. К тому же стояла жара, и если не налечь на еду как следует, мясо просто пропало бы. Поэтому подобные празднества всегда оборачивались возможностью от души наесться досыта — для Секты Хуашань это было редкое и яркое событие.

Линь Кунь притащил кабана на кухню, и дежурные ученики тотчас же сбежались на помощь, так что дальнейшие хлопоты можно было доверить им.

Сами же троица выглядела потрепанной и грязной, а потому сразу отправилась по комнатам приводить себя в порядок и мыться.

Как только они закончили, тут же объявились любители пошуметь и потащили У Лэ с Линь Кунем выпивать.

Ян Ань порой искренне не понимал, что такого вкусного в этом вине и почему оно нравится стольким людям, но сам он неизменно держался от него подальше.

Линь Кунь же, услышав о выпивке, расплылся в улыбке и пришел в полное вождение — он тоже любил хорошее вино, хотя, к счастью, еще не дошел до такого состояния невменяемости, как Линху Чун.

Когда они втроем добрались до столовой, там уже собралась целая толпа старших учеников. На самом почетном месте сидел молодой человек с вытянутым лицом, соболиными бровями и тонкими губами, который щедро прикладывался к винному кувшину с совершенно развязным и свободолобным видом. Парню было всего девятнадцать-двадцать лет, но от него исходило неизбывное ощущение легкой беззаботности — это был старший ученик всех остальных, Линху Чун.

Все трое поспешно шагнули вперед и отвесили поклон. Юэ Буцунь относился к правилам секты и этикету чрезвычайно серьезно, а потому при встрече со старшими по рангу ученики были обязаны выказывать уважение.

Заметив их, Линху Чун расхохотался:

— Ну и повезло же вам сегодня, младшие братья, урвали удачу за наш счет!

— Старший брат шутит, я ведь еще вчера слышал, как ты давеча лихо проявил себя на горе Фэнся, в одиночку уложив дюжину разбойников, и тем самым изрядно прославил нашу Секту Хуашань, — с восхищением произнес Линь Кунь.

Линху Чун отмахнулся — он ни капли не дорожил подобной суетной славой, лишь бросив:

— Эти негодяи погрязли в злодеяниях настолько, что их смерть — единственный способ утолить народный гнев.

— Старший брат, расскажи-ка нам подробнее, как всё было! — попросил кто-то из младших учеников.

— Да-да, расскажи! — наперебой закричали остальные, охваченные любопытством и горя желанием самим оказаться на месте событий.

Не имея возможности отбиться от настойчивых просьб, Линху Чун принялся красочно и живо описывать случившееся. Красноречия ему было не занимать, и ученики слушали разинув рты,

то и дело замирая от испуга или восхищения. Ян Ань со смешком подумал про себя, что с таким талантом из Линху Чуна вышел бы отличный рассказчик историй.

Видя, что Линху Чун полностью увлечен своим рассказом, Ян Ань дернул за рукав стоявшего рядом У Лэ и тихо шепнул:

— Старший брат У, сходи-ка на кухню помочь, я так хочу твоих тушеных свиных ножек.

У Лэ улыбнулся:

— Ах ты маленький обжора, ну ладно, пойду.

Ян Ань хитро улыбнулся, провожая взглядом направлявшегося к кухне У Лэ. Кулинарный талант У Лэ был просто бесподобен, а его фирменным блюдом являлось тушеное змеиное мясо — от одного воспоминания об этом во рту начинали слюнки текуч. Ян Ань твердо решил завтра же попросить старшего брата снова приготовить змеиное мясо.

Вскоре на столах одна за другой стали появляться кушанья — воистину роскошный пир.

Первым подали отварные свиные ребрышки.

Блюдо еще не успели поставить на стол, как по всей зале поплыл густой манящий аромат.

Кто-то тут же завопил:

— Эй, Шестой Малыш, живо поди позови учителя с госпожой!

— Сейчас сделаю! — весело и с готовностью откликнулся озорной паренек.

Это был Лу Даю, занимавший шестое место среди учеников. Из-за своей страсти к обезьянам он заслужил шутовское прозвище Шестой Малыш.

Ян Ань проводил взглядом удаляющегося подростка. Лу Даю отличался прекрасным нравом и во время пребывания на Хуашане во многом опекал его. Сам он был нрава живого и со всеми товарищами ладил отлично, но ближе всего, конечно же, держался с Линху Чуном, во всем следуя за ним как за старшим. Но Ян Ань подумал о том, что в будущем этот юноша — из-за того, что Юэ Линшань выкрала из Секты Хуашань секретные рукописи «Обретения пурпурного ци» и велела Лу Даю передать их Линху Чуну для исцеления и культивации, — понимал, что тайное изучение боевых искусств без разрешения учителей является величайшим проступком, и решительно отказался практиковаться. А Лу Даю, горя желанием спасти его, стал вслух читать ему наставления, но в ответ сам же получил удар пальцем в точку, парализующий движение, после чего лазутчик из Секты Цоньшань Лао Дэно воспользовался моментом, убил его и похитил тайные рукописи. Как же это было досадно!

Подумав об этом, Ян Ань невольно пообещал себе в душе, что при первой же возможности непременно убьет Лао Дэно ударом меча — хотя бы ради спасения этого шестого старшего брата. К тому же, хотя Лао Дэно на вид казался честным и простодушным, в глубине души он постоянно плел интриги против окружающих, а у Ян Аня не было с ним ни малейшей дружбы, так как же он мог терпеть такого человека?

После того как Юэ Буюнь и Нин Чжунцзэ прибыли, наконец начался праздничный ужин.

Юэ Буцюнь с мягкой и приветливой улыбкой расхвалил троих учеников, а затем еще раз наказал всем усердно заниматься культивацией, после чего все наконец приступили к трагедии.

Чего тут только не было: тушеные свиные желудки, свиные рульки в красном соусе, суп из свиных ножек с проростками сои, рулетики из свинины, тушеная свинина по-рецепту Дунпо под соусом из абалонов, изумрудные свиные кишки с чашу, горькая тыква с ребрышками по-чаочжоуски, тушеное мясо с квадратными побегами бамбука, обжаренные на сухой сковороде маленькие свиные почки — всего выставили два-три десятка блюд. Вся Секта Хуашань гудела, словно в канун Нового года, царило невероятное оживление.

На следующий день, завершив утреннюю тренировку, Ян Ань принялся готовиться к варке Пилюль желчного пузыря змеи с семью листьями. Остальные травы были заготовлены уже давно, теперь же не хватало лишь змеиной желчи и змеиной крови.

Разумеется, змеиная желчь и змеиная кровь обладали разными свойствами, и их целебный эффект тоже различался.

Ян Ань достал золотого кольчатого змея, сначала выпустил яд в приготовленную бутылочку, а кровь собрал в другую. Одним ударом ножа он отрубил змею голову, затем содрал шкуру, извлек желчный пузырь, ненужные внутренности отложил в сторону, а змеиное мясо сложил в стоявший рядом таз.

Вот так он быстро разделался с доброй дюжиной ядовитых змей.

Змеиную кровь и змеиный яд он приберег для других целей и спрятал отдельно.

Что же до змеиного мяса... хе-хе, оно, само собой, пойдет на приготовление змеиного супа. Он уже давно с нетерпением ждал кулинарного мастерства У Лэ.

Наконец осталась последняя белая фосфоресцирующая змея.

От этой змеи было куда больше пользы, и Ян Ань обратился с ней с особой осторожностью.

Ян Ань опустил нож, раздался звук «чик». Лезвие почему-то соскользнуло, не прорезав шкуру. Какая прочная и гибкая шкура! Ян Ань не испугался, а наоборот, обрадовался.

Так даже лучше: чем прочнее материал, тем более полезное сокровище из него получится.

Легко улыбнувшись, Ян Ань вонзил маленький ножик прямо в змеиную пасть, влил внутрь изрядную порцию внутренней энергии, и раздался звук «пхы» — змеиная шкура наконец поддалась. Ян Ань аккуратно надрезал кожу по всей длине, а затем одним движением потянул от головы — шкура вместе с чешуей сошла целиком. Затем он извлек брюшной мешочек белой

змеи, достал желчный пузырь и тщательно промыл мясо. На этом дело было успешно завершено.

Процесс изготовления лекарств невероятно сложен и запутан, но к желчному пузырю белой змеи Ян Ань отнесся с исключительным вниманием, отбирая для рецепта лишь лучшие ингредиенты.

С величайшей бережностью обработав змеиную желчь, он позвал У Лэ и велел ему взять змеиное мясо для приготовления блюда.

В полдень трое учеников собрались за столом. Все они вооружились палочками для еды и пристально уставились на стоявшую в центре горячего горшочка с бульоном. Мясо еще не сварилось, но аромат уже витал в воздухе, щекоча ноздри. Раньше они тоже нередко готовили змеиное мясо, но еще никогда от него не исходило столь мощное, бесконечное благоухание. Без сомнения, причиной тому было мясо белой змеи.

Даже обычно сдержанный У Лэ едва не захлебывался слюной, не говоря уже о Линь Куне, чья стойкость духа была слабее всего — он с умопомрачительным видом скреб затылок, мечтая немедленно наброситься на еду.

Однако бульон, который в прошлые разы закипал в мгновение ока, сегодня словно нарочно шел наперекор всем ожиданиям и никак не хотел бурлить, доводя Линь Куня до горького отчаяния.

— Ой, как же вкусно пахнет! Что это вы тут втайне стряпаете, какое вкусное угощение? — раздался звонкий, ясный голос.

Линху Чун широким шагом вошел во двор, а следом за ним семенила девочка лет одиннадцати-двенадцати в зеленом платье — миниатюрная, изящная и донельзя прелестная.

Это была единственная дочь Юэ Буцюня, Юэ Линшань.

Юэ Линшань росла простодушной, жизнерадостной и непоседливой, однако всегда строго соблюдала правила, за что ученики Хуашаня искренне любили ее и часто уступали во всем. С малых лет Линху Чун везде таскал ее за собой в качестве компаньонки по играм, так что с ним у нее сложились самые близкие отношения.

Изначально Юэ Линшань была самой младшей среди хуашаньских учеников, но после того как Ян Ань стал учеником Юэ Буцюня, он оказался единственным, кто был младше ее по возрасту, и у нее наконец появился младший сородич по школе.

Впоследствии, даже когда Юэ Буцюнь и Нин Чжунцзэ принимали новых учеников, она по-прежнему оставалась старше лишь одного Ян Аня, из-за чего тот навсегда остался ее

единственным младшим братом по секте.

Хотя за последние два года Нин Чжунцзэ одна за другой приняла в ученицы нескольких девушек, все они были старше Юэ Линшань. Положение самой Юэ Линшань в Хуашане было совершенно особым: ее ранг определялся не очередностью поступления в секту, а исключительно возрастом, так что она неизменно оставалась младшей сестрой.

Внезапно обрести младшего брата — после того как она сама была всеобщей младшей сестренкой — ее чрезвычайно обрадовало. Ей ужасно хотелось примерить на себя роль старшей сестры перед Ян Анем, и она то и дело пыталась затащить его в свои игры.

Однако Ян Ань, хоть и испытывал симпатию к этой девушке с такой горькой судьбой в мире Цзянху, вовсе не собирался потакать ее капризам. Большую часть времени он уделял культивации, поэтому со временем, получая отказ за отказом и слыша в ответ лишь отговорки о необходимости тренироваться с мечом, Юэ Линшань потеряла терпение, и их общение постепенно сошло на нет.

К счастью, несмотря на юный возраст, Юэ Линшань отличалась рассудительностью и даже тогда, когда докучала Ян Аню, никогда не переходила границы. Поэтому их отношения, хоть и не были близкими, оставались вполне хорошими.

— Младший брат, ты опять тайком мастеришь какую-то вкуснятину! А ну-ка быстро приготовь порцию на меня и старшего брата, не то я непременно пожалуюсь папе, и он заставит тебя сутки просидеть лицом к стене! — кокетливо произнесла Юэ Линшань, и голос ее прозвучал звонко и приятно.

Затем она поприветствовала У Лэ и Линь Куня.

— Младшая сестра, не болтай глупостей, — мягко остановил ее Линху Чун.

Ян Ань прекрасно понимал, что Юэ Линшань просто шутит и на самом деле делать этого не станет, поэтому не обратил внимания. С улыбкой он произнес:

— Приветствую старшего брата, приветствую младшую старшую сестру.

— Старший брат, вам и впрямь невероятно повезло. Достать это мясо тушеной змеи сегодня стоило огромного труда; кто увидел — тот и поделил, так что садитесь-ка скорее пробовать, — поспешно позвал их Ян Ань.

У Лэ и Линь Кунь снова поклонились Линху Чуну.

— Хе-хе, какое же мясо без хорошего вина! Как раз кстати: у меня тут как раз завалился новый кувшин тридцатилетнего Чжуецина, вкус у него чистейший, просто отменный. Давайте-ка все

вместе отведаем, — весело предложил Линху Чун.

— Вино старшего брата плохого не бывает, — глаза Линь Куня зажглись восторженным блеском.

Ян Ань опустил голову, делая вид, будто не замечает позорно-жадного выражения лица Линь Куня. У Лэ точно так же сосредоточенно смотрел на собственный нос.

Лишь Юэ Линшань захлопала в ладоши и радостно закричала:

— Я тоже буду пить!

Линху Чун не стал возражать и лишь заметил:

— Младшая сестренка, ты еще мала, но выпить чашечку тебе не повредит. Всем хватит, никого не обделим.

Линь Кунь в нетерпении бросился за двумя дополнительными парами палочек и двумя пиалами. Линху Чун принялся всем по очереди разливать вино, а когда дошла очередь до Ян Аня, тот намертво вцепился обеими руками в свою пиалу:

— Старший брат, я еще мал, пить не буду!

Линху Чун громко рассмеялся:

— Мужчина ты или нет? Какой же настоящий мужчина не начинает пить с юных лет? Младший брат, не попробуешь вина — в будущем тебе ни за что не стать благородным мужем, вершащим праведный суд на дорогах Цзянху!

поддразнил его Линху Чун.

Ян Ань напустил на себя суровый вид, молчал, а про себя только выругался: Твою ж мать, нашел кого обманывать — детей пугает!

Остальные покатались со смеху от забавной гримасы Ян Аня. А девчонка Юэ Линшань, улучив редкую возможность взять верх над Ян Анем, подняла настоящий шум, так что бедному Ян Аню оставалось лишь покрыться испариной, прежде чем его наконец оставили в покое.

Обед завершился ко всеобщему удовольствию. Мясо змеи оказалось настолько восхитительным на вкус, что гости едва не проглотили собственные языки, а под конец, поглаживая раздувшиеся животы и вволю наболтавшись обо всем на свете, все разошлись.

Время летело быстро, словно стрела, и пять лет промелькнули в мгновение ока.

Теперь хуашаньские ученики стали излюбленной темой для разговоров среди людей в Цзянху.

— Говорят, Маленький Божественный Меч из Хуашаня, Ян Ань, уже с полгода как не появлялся в Цзянху, верно? — громко произнес крупный бородатый мужчина в небольшой чайной внутри города Хэншань.

В чайной к тому моменту уже сидело больше десятка человек, и при звуках прозвища Маленький Божественный Меч все невольно навестили уши.

— И то верно! Этот Маленький Божественный Меч — новое поколение юных мастеров меча из Секты Хуашань, он ярко блеснул талантом всего три года назад. Слышал, он в одиночку перебил несколько шайк разбойников в их горных логовах, поистине выдающийся юноша! — подхватил худой мужчина в желтом халате, сидевший напротив бородача.

— Говорят, в детстве всю семью этого Маленького Божественного Меча вырезали бандиты, и он чудом остался в живых, после чего его подобрали хуашаньцы и приняли в свою секту. Вот почему он теперь люто ненавидит разбойников и злодеев, уничтожая их при первой возможности. Слышал, у него потрясающие природные способности, раз он за какие-то несколько лет добился такой силы. Не зря «Меч Благородного Мужа» Юэ Буцунь из Секты Хуашань обладает столь проницательным взглядом на таланты!

— Верно сказано! Этот Маленький Божественный Меч всегда ходил неразлучно со своими двумя старшими братьями — как говорится, куда Мэн, туда и Цянь. Всех троих даже прозвали Тремя Бессмертными Мечами Хуашаня, они стоят наравне с самым старшим учеником хуашаньцев Линху Чуном! — добавил еще один посетитель за соседним столом.

— Сейчас в Цзянху то и дело мелькают лишь Нефритовый Дракон Меча У Лэ да Меч в Синих Одеждах Линь Кунь, эти дворовые мечники. А из Трех Бессмертных Мечей одного уже не видно... Уж не стряслось ли чего с Маленьким Божественным Мечом? — понизив голос, произнес кто-то в углу.

— Что за чушь ты несешь? Берегись языком добежаться до беды, — тут же прикрикнул на него другой.

И все же нашелся человек, который мрачно проговорил вполголоса:

— Выступающее из леса дерево непременно ломает ветер. Этот Маленький Божественный Меч прославился в Цзянху три года назад, а ведь ему сейчас едва исполнилось двенадцать-тринадцать лет, и он уже гремит на весь мир. Раз его уже полгода не слышно и не видно, кто знает, может, его... — говорящий осекся, не договорив до конца.

Впрочем, все присутствующие и так прекрасно понимали, к чему он клонит.

Кто-то испытывал легкое сожаление, кто-то злорадно ухмылялся, а кто-то остался совершенно равнодушен.

Так или иначе, разговор вскоре свернул на другую тему.

— Интересно, как поживают сейчас трое членов семьи Линь из охранного агентства Фувей? — обронил сидевший за соседним столиком мужчина в синем халате.

<http://bllate.org/book/22526/2379317>